

RU

«Рыжий» И. Талькова: проблемы когнитивной самоидентификации

Иванов Д. И., Дэн Ин

Аннотация. Цель исследования - охарактеризовать особенности ранней самоидентификационной модели когнитивно-прагматической программы (КПП) И. Талькова. Научная новизна заключается в том, что в работе впервые исследовано творчество И. Талькова в ракурсе современной когнитивной теории. Полученные результаты: на примере композиции «Рыжий» показан механизм работы когнитивного блока. Находясь в поле деструктивно-симулятивной активности программного стереотипа восприятия (ПСВ), лирический герой стремится преодолеть эту деструктивность. Однако он воспринимает приписанный ему статус как истинный, а процесс его автоматизированной смены - как конструктивную когнитивно-ментальную операцию, поэтому выбор оказывается симулятивным.

EN

“Redhead” by I. Talkov: Problems of Cognitive Self-Identification

Ivanov D. I., Deng Ying

Abstract. The purpose of the research is to characterise features of the early self-identification model of I. Talkov’s cognitive-pragmatic programme. The paper is novel in that it is the first to study I. Talkov’s creative work from the perspective of modern cognitive theory. The research findings are as follows: the mechanism of a cognitive block is shown, using the example of the composition “Redhead”. Being in the field of the destructive-simulative activity of a programmatic stereotype of perception, the character strives to overcome this destructiveness. However, he perceives the status attributed to him as true and the process of its automated change as a constructive cognitive-mental operation, so the choice turns out to be simulative.

Введение

Данное исследование выполнено в рамках современных междисциплинарных подходов, многовариантно соединяющих, например, когнитивное и семиотическое [1; 11; 13; 18], текст, музыку, язык и культуру [2; 3; 9; 10] и продуктивно переосмысляющих дисциплинарные модели и границы. Базой работы служит в первую очередь авторский теоретико-методологический комплекс, хорошо зарекомендовавший себя при изучении рок-культуры, кинотекста, художественной литературы [5; 6]. Проведение данного исследования позволит показать механизм работы когнитивного блока (КБ) в ранней самоидентификационной модели когнитивно-прагматической программы (КПП, авторский термин) И. Талькова на примере важной для его самоидентификации композиции «Рыжий».

КПП – «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ). <...> Концепция КПП... исходит из целенаправленной “программируемости” любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст» [6, с. 49]. КПП неразрывно связывает между собой личность художника, его синтетический текст и механизмы его восприятия/интерпретации. Когнитивный блок (авторское понятие) – глубинное «целевое» противоречие, результат ситуации дестабилизации целевых когнитивно-прагматических установок и, как следствие, нарастание самоидентификационных проблем. Процесс же преодоления когнитивной блокировки, возникшей в силу, например, неполной отрефлексированности ключевых движущих принципов, есть процесс – порой сложный и мучительный – формирования художником своей программы, поэтому значимость проблемы когнитивного блока для становления творца и его художественного мира весьма велика [4].

Предметом исследования является композиция И. Талькова «Рыжий», хорошо известная поклонникам, однако не изученная в когнитивно-прагматическом плане, хотя наглядно показывающая сложность процессов самоидентификации художника. Всё это обеспечивает актуальность нашего исследования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) описать сущность кода «рыжий» и его роль в возникновении когнитивного блока; 2) охарактеризовать механизм работы программного стереотипа восприятия (ПСВ); 3) обрисовать проблемы, возникающие при попытке преодолеть приписываемый ПСВ субъекту деструктивный статус.

Для решения представленных задач используются следующие методы исследования: а) метод концептуально-смыслового; коммуникативно-прагматического, дискурсивного анализа (задача 1); б) метод когнитивно-коммуникативного анализа системы субъектных модальностей (субъект-источник – субъект-интерпретатор), метод моделирования когнитивно-прагматических программ, методика концептуально-аксиологической интерпретации программного стереотипа восприятия (задача 2, 3).

Теоретическую базу исследования составляют: 1) междисциплинарные труды отечественных [7; 8; 11] и зарубежных [16-18] ученых, многовариантно объединяющих когнитивное, семиотическое, лингвистическое, культурно-языковое; 2) научные работы на материале отечественной рок-культуры, содержащие важнейшие «синтезирующие» положения [2; 3; 9; 10; 12; 14]; 3) детально разработанная авторская метадисциплинарная методология, базирующаяся на достижениях современных гуманитарных наук и выступающая как когнитивная семиотика личности/текста/дискурса [4-6].

Практическая значимость работы заключается в абсолютном начале когнитивной разработки творчества популярного и пограничного по своей сути поэта-песенника, сыгравшего значительную роль в самоосмыслении отечественной массовой культуры на рубеже 1980-1990-х годов. Результаты исследования будут востребованы в рамках разработки спецкурсов по изучению русской песенной поэзии конца XX века и лингвокультурологическому, социокогнитивному анализу поэтических и синтетических текстов современной культуры.

Композиция «Рыжий» (1985) как рефлексия самоидентификационной проблемы

Путь И. Талькова к недолгому творческому взлету не был простым, и еще до того, как его КПП обрела известные бескомпромиссные гражданские очертания, возникали нешуточные проблемы самоидентификационного плана. Уже в подростковом возрасте будущий поэт попадает в ситуацию, при которой он (точнее его вполне обычный внешний вид) становится объектом стереотипно-деструктивного восприятия со стороны сверстников (одноклассников, друзей, знакомых). Причинами такого негативно-стереотипизированного восприятия, по мнению самого поэта, становятся следующие особенности его внешнего вида: а) «самые большие уши в мире»; б) веснушки на лице; в) маленький рост; г) рыжий цвет волос: «Среди всех мальчишек и девчонок // Выделялся я всегда: // Самые большие уши в мире // Были у меня тогда, // Да еще и конопатый, // Рыжий, маленький, носатый, // Ох уж эта мне капуста, // В которой нашли меня» [15, с. 148].

Рыжий цвет волос становится своеобразным ключевым компонентом, базовым основанием негативной стереотипизации самовосприятия. Столкновение с необоснованным отрицанием сверстников приводит к тому, что в сознании поэта активизируются два разнонаправленных когнитивно-ментальных процесса: а) процесс когнитивной блокировки сознания; б) процесс поиска путей преодоления этого блока. Рассмотрим первый из этих процессов на примере автобиографической композиции «Рыжий», название которой говорит само за себя.

Факт вынесения этого когнитивного кода в название песни является для И. Талькова принципиальным. «Рыжий» здесь – это предельно концептуализированная форма, позволяющая ему одновременно констатировать наличие данного КБ в себе; указать на особую значимость данного КБ (название – это и квинтэссенция авторской позиции, и концептуальная формула всего текста, воплощающая в себе когнитивно-ментальное состояние автора в момент его создания).

В композиции «Рыжий» источником КБ И. Талькова является искусственно созданный, предельно устойчивый, статичный, герметичный, деструктивно-симулятивный стереотип, внедренный и закрепленный в сознании коллективного субъекта (носителя стереотипа). Этот стереотип можно рассматривать как «свернутую» (частную), предельно упрощенную проекцию КПП догматического типа. Условно его можно назвать «программным стереотипом восприятия» (ПСВ). Деструктивно-симулятивная направленность ПСВ определяется прежде всего тем, что он основан на принципе формально-автоматизированного отрицания/неприятя объекта стереотипизации. В данном случае роль такого объекта («рыжего») выполняет сам поэт.

Принципиально важно, что процесс псевдообоснованного отрицания имеет рефлекторно-спонтанную природу. Носитель ПСВ отрицает объект стереотипизации не потому, что он его не принимает, а потому что так работает сам ПСВ. Отрицание в данном случае не принадлежит носителю ПСВ, а только ему приписывается. Однако этот механизм работает безотказно. Если носитель ПСВ сталкивается с человеком с рыжими волосами, тот автоматически становится для первого объектом насмешек, порицания и даже агрессивного поведения. Нечто подобное происходит и с самим И. Тальковым. Не случайно во время исполнения композиции «Рыжий» за авторским текстом звучит иронический, издевательский смех, направленный на поэта.

Механизм работы программного стереотипа восприятия (ПСВ)

Специфической особенностью ПСВ является то, что он активизируется и повторно закрепляется в сознании носителей стереотипа с помощью разнообразных «коммуникативных катализаторов ПСВ». В качестве таких катализаторов могут выступать любые доступные для реального/потенциального носителя ПСВ каналы и формы информации, например, детские песни, стихи, отдельные фразы, фрагменты телепередач, мультфильмы, личные беседы, в которых в той или иной форме (прямо/косвенно) используется когнитивный код «рыжий». В композиции «Рыжий» И. Тальков воспроизводит два таких катализатора.

Первый катализатор ПСВ: детская песня на стихи Э. Успенского «Рыжий» из мультфильма «Рыжий, рыжий, конопатый» (1971). Эта песня пропеваётся детским голосом и звучит на заднем фоне во время исполнения основного текста композиции. При этом несколько раз повторяется именно тот фрагмент, в котором актуализируется деструктивно-симулятивная природа данного ПСВ: «Рыжий! Рыжий! Конопатый! / Убил дедушку лопатой...». Принципиальным является то, что, казалось бы, имеющаяся «позитивная» часть («А он дедушку не бил, / А он дедушку любил») не в силах хотя бы частично блокировать негативное содержание стереотипа. Это определяется статичностью и герметичностью овеществленного содержания ПСВ. Его деструктивная активность контекстуально не обусловлена. Он продолжает работать автономно. Автоматическое, спонтанное, необоснованное отрицание, являющееся базовым компонентом содержания данного стереотипа, нейтрализует конструктивно-созидательный компонент общего контекста песни и блокирует целостность его восприятия. Так, каждый реальный/потенциальный носитель ПСВ при прослушивании/прочтении этого текста независимо от своей воли прежде всего фиксирует в нем наличие данного стереотипа (либо его коммуникативного катализатора), а уже после этого переносит свое внимание на остальные компоненты текста.

Это закономерно приводит к тому, что в сознании носителя ПСВ текст распадается на две неравноправных части: а) центральную – фрагменты текста, в которых фиксируется стереотип; б) периферическую – весь остальной текст, включая «антистереотипные» фрагменты текста, которые парадоксальным образом в сознании носителя ПСВ также становятся своеобразными катализаторами стереотипа. В результате сам факт подобной актуализации стереотипа становится своеобразным «псевдоаргументом», подтверждающим «истинность» его содержания.

Второй катализатор ПСВ: песня «Рыжик» («Руды-руды-ры») на стихи А. Эппель, исполняемая Т. Миансаровой. Здесь и вовсе речь идет не о человеке, а о грибе. Однако и в этом случае деструктивно-симулятивная активность стереотипа сохраняется. Это еще раз подтверждает факт его устойчивости и контекстуальной необусловленности. Вот как об этом пишет сам поэт: «Как назло, в то время модной стала // Песенка про рыжий гриб, // Каждый день по радио звучало: // Руды, руды, ры... // Я писал письмо в газету // С критикой на песню эту // И с досады под машинку // Голову остриг» [Там же, с. 149].

Особое внимание необходимо обратить на то, что процесс активизации деструктивного по своей природе механизма отрицания формируется в сознании носителей ПСВ на основе ложного, формального псевдодубеждения («Я обладаю особым знанием о человеке и могу оценивать (отрицать, не принимать, отвергать) его, опираясь на это знание»). Заметим, что отрицание здесь становится не только автоматизированным псевдорезультативным действием, но и превращается в своеобразный оценочный маркер.

Важно, что предельно автоматизированный процесс анонимной маркировки реального/потенциального объекта стереотипизации воспринимается носителями ПСВ как особое знание о нем. В этих условиях наличие стереотипизированного знания о предмете и процесс его маркировки (навешивание ярлыка) отождествляются. По сути, симулятивное «псевдознание» о человеке, которым якобы «обладает» носитель ПСВ – это иллюзия, источником которой является не сам человек, а программный стереотип. В результате истинная модель навязанного носителю ПСВ псевдодубеждения («я обладаю особым знанием о потенциальном объекте стереотипизации и могу на этом основании проводить критериальный отбор – решать, кто должен стать объектом отрицания») выглядит совсем иначе.

В максимально обобщенном виде ее можно представить так: я обладаю не принадлежащим мне псевдоуниверсальным инструментом маркировки. Следовательно, я могу превратить любого человека (особенно того, кто отвечает формальным критериям – наличие рыжих волос) в объект стереотипизации (в объект отрицания, неприятия). Основным критерием этого отбора является сам факт наличия в моем сознании программного стереотипа восприятия. При этом роль псевдоуниверсального инструмента маркировки играет само отрицание, то есть все тот же программный стереотип восприятия. Возникает парадоксальная ситуация: носитель ПСВ с помощью отрицания (сам стереотип) определяет, кто станет объектом этого отрицания.

Важной характеристикой процесса обезличенно-автоматизированной (спонтанной) маркировки, производимой носителем ПСВ по принципу *если ты «рыжий» – значит, ты другой, «крайний», лишней, не такой, как я (мы, все)*, является то, что она превращается в инструмент симуляции когнитивно-ментального статуса человека. Это процесс двусторонний, поэтому он затрагивает как объект стереотипизации, так и самого носителя ПСВ. Так, носитель ПСВ, осуществляя процесс негативной маркировки объекта стереотипизации, не просто отрицает его, а стремится через это отрицание подтвердить конструктивность своего когнитивно-ментального статуса в глазах других носителей ПСВ. В этот момент в его сознании активизируется система симулятивных установок: 1) *если я называю его «рыжим», то сам я таковым не являюсь*; 2) *если я не «рыжий», а «рыжий» он, значит, я лучше, чем он*; 3) *если я не «рыжий», то я часть того сообщества, в котором «рыжих» нет*; 4) *если я часть этой группы, то конструктивность моего когнитивно-ментального статуса подтверждена*.

Одновременно с этим деструктивный импульс отрицания, исходящий от носителя ПСВ, нейтрализует конструктивный статус человека, который стал объектом стереотипизации. Очевидно, что реальной смены статуса не происходит. Однако сам объект стереотипизации этого не осознает. Он пытается «восстановить» свой статус с помощью активизации симулятивного процесса своеобразной «перемаркировки». В этот момент ключевыми для него становятся следующие симулятивные установки: 1) *я должен доказать всем, что я не «рыжий»*; 2) *даже если я «рыжий», то я все равно должен доказать окружающим, что я не такой*; 3) *если я смогу доказать, что я не «рыжий», то я стану таким же, как все остальные*; 4) *если я смогу стать таким, как другие, то они примут меня*; 5) *если они примут меня, то я смогу провести «свою» «перемаркировку» и подтвердить конструктивность своего когнитивно-ментального статуса для других*.

Симулятивность всех этих операций очевидна. Однако, несмотря на это, объект стереотипизации не осознает иллюзорности происходящего. Он воспринимает всё это как истинную реальность. Он убежден, что изменение своего когнитивно-ментального статуса с «негативного» на «позитивный» поможет ему решить все проблемы.

Проблемы преодоления приписываемого субъекту деструктивного когнитивно-ментального статуса

По мнению объекта стереотипизации, изменение статуса позволит ему: 1) разорвать круг отрицания, неприятия и непонимания («*“Рыжий”*, – только и слышал / Я со всех сторон / И очень был обижен. / *“Рыжий”* – ни много ни мало, / Это слово меня возмущало / И жить не давало»); 2) преодолеть систему деструктивных психоэмоциональных состояний, сформированных под воздействием ПСВ («В предпоследней стадии отчаянья, / Озабоченный всерьез, / Я сидел у зеркала печально / И бубнил себе под нос: / *“Ох уж эта мне капуста, / Ох уж эта мне капуста”*, / Имелась в виду капуста, / В которой нашли меня»); 3) обрести новых друзей, построить личные отношения («Если же в кого-нибудь влюбиться / Мне случилось, то тогда / Я не мог взаимности добиться / В этом деле никогда, / И говорили мне девчата: / *“Ну ты же очень конопатый, / И уши у тебя какие-то, прям, / Ну, просто, прям, беда!”*») [Там же, с. 148-149].

Особое внимание необходимо обратить на то, что оценка приписанного герою симулятивного когнитивно-ментального статуса производится объектом стереотипизации с позиций самого стереотипа. Следовательно, процесс реализации самостоятельного аксиологического действия, которое якобы совершает сам лирический герой, – это очередная иллюзия (проявление симулятивной активности ПСВ). Программный стереотип через деструктивную энергию носителя ПСВ «предлагает» поэту уже готовую негативную аксиологическую модель восприятия себя. Это приводит к тому, что объект стереотипизации пытается увидеть себя со стороны, но видит не себя, а свою деструктивно-стереотипизированную проекцию (сам стереотип). В таких условиях оценить «свой» статус адекватно невозможно. В результате в сознании героя-поэта формируется ложное, но предельно устойчивое оценочное суждение о себе как объекте неприятия (отрицания). Именно оно мешает поэту осознать, что деструктивное восприятие «своего» статуса – это искусственно сформированная иллюзия, псевдофакт (деструктивный статус объекту стереотипизации не принадлежит, а только приписывается).

В сознании объекта стереотипизации возникает ложное псевдодобуждение, что процесс смены не принадлежащего ему статуса («рыжий» значит «чужой» / объект отрицания и неприятия) позволит ему гармонизировать свое сознание. В результате возникает парадоксальная ситуация. Поэт стремится заменить один искусственный статус на другой. Теперь он стремится доказать, что он не «рыжий». Важно то, что делает он это не для себя, а для носителя ПСВ, то есть для самого программного стереотипа. При этом в его сознании формируется специфическая симулятивная установка, которая раскрывает истинную природу того процесса, который поэт называет «гармонизацией сознания». Сущность этой установки можно представить так: деструктивный статус поэта изменится только после того, как его легитимность будет признана носителями ПСВ. Из этого следует, что поэт, якобы «изменяя» свой статус, стремится гармонизировать «отрицание себя другими (носителями ПСВ)» (первый симулятивный статус) и «источник этого отрицания» (ПСВ). Как только этот процесс будет реализован, он получит «новый» псевдоконструктивный статус «я отрицаю себя для других и тем самым нейтрализую их отрицание».

Очевидно, что сам процесс такой гармонизации не только противоестественен, но и разрушителен для поэта. Дело в том, что он стремится изменить свой статус не для себя, а для «другого» (носитель ПСВ / сам стереотип). Тем самым псевдоконструктивное изменение искусственно созданного статуса ведет не к гармонизации, а к когнитивной блокировке сознания поэта. Реализация данного процесса не освобождает его сознание, а превращает его в стереотипизированный, симулятивный образ себя.

Противоестественное стремление к «смене» статуса поэт стремится реализовать через актуализацию системы симулятивных неотделимых друг от друга псевдоконструктивных, предельно автоматизированных действий: а) отрицание носителя ПСВ / стереотипа в целом; б) защита от носителя КПП / от стереотипа в целом. Принципиальным является то, что обе операции производятся объектом стереотипизации одновременно и автоматически. Факт их нулевой продуктивности для смены когнитивно-ментального статуса поэтом не осознается. И. Тальков, следуя аффективной логике стереотипа, убеждает себя в том, что эти действия продуктивны не только для носителей ПСВ, но и для него самого. Сам факт наличия и актуализации этих действий расценивается поэтом как знак их результативности.

Каждая операция имеет свой режим реализации. Операция первая – отрицание носителя ПСВ / стереотипа в целом. Режим реализации – активное неприятие/противостояние деструктивному воздействию ПСВ («*“Рыжий”*, – только и слышал / Я со всех сторон / И очень был обижен. *“Рыжий”* – ни много ни мало, / Это слово меня возмущало / И жить не давало» [Там же, с. 148]).

Операция вторая – защита от носителя КПП / от стереотипа в целом. Режим реализации – сдерживание деструктивного воздействия (объект стереотипизации стремится защитить себя от агрессии носителей ПСВ / самого стереотипа) («Как назло, в то время модной стала / Песенка про рыжий гриб, / Каждый день по радио звучало: / Руды, руды, ры... / Я писал письмо в газету / С критикой на песню эту / И с досады под машинку / Голову остриг» [Там же, с. 149]).

Итак, мы видим, что «реализация» этих псевдоконструктивных действий (отрицание-противостояние; защита-сдерживание агрессии) желаемого результата не принесла. Смены когнитивно-ментального статуса объекта стереотипизации (с деструктивного на конструктивный) не происходит. Более того, стремление

к псевдогармонизации (в действительности к отождествлению с ПСВ) приводит поэта не к освобождению сознания от деструктивно-симулятивного воздействия ПСВ, а к формированию в его структуре когнитивного блока. В результате объект стереотипизации (первый симулятивный статус поэта) становится объектом блокировки (второй симулятивный статус поэта).

Однако следует отметить, что на этом этапе первостепенное значение получает не результативность этих операций, а сам факт их актуализации в сознании поэта. Дело в том, что каждая из них соотносена с особой формой (вариантом) реализации самоидентификационной стратегии, преодоления (нейтрализации) процесса когнитивной блокировки. Так, первая операция – отрицание носителя ПСВ / стереотипа в целом – это первый вариант моделирования самоидентификационной стратегии преодоления КБ. Условно ее можно назвать стратегией «тотального отрицания». Общая модель этой стратегии в контексте преодоления КБ «Рыжий» выглядит так: 1) я – «рыжий» – я не принимаю себя (самоотрицание / отождествление себя с другим); 2) я не принимаю других (другой – носитель ПСВ); 3) я отрицаю себя / я отрицаю других. Основными когнитивно-ментальными инструментами реализации этой стратегии являются: самоподавление, скрытая/явная агрессия, самоагрессия, неприятие; отрицание. Индекс результативности этой стратегии – отрицательный (Стратегия 1 («–»)).

Вторая операция – защита от носителя КПП / от стереотипа в целом – это второй вариант моделирования самоидентификационной стратегии преодоления КБ «Рыжий». Условно ее можно назвать стратегией «защиты (сдерживания внешней агрессии)». Общая модель этой стратегии такова: 1) я – «рыжий» – меня не принимают другие (носители ПСВ); 2) я пытаюсь защитить себя от этого неприятия (сдержать внешнюю агрессию); 3) я не принимаю агрессию других, но их не отрицаю; 4) я пытаюсь принять себя, но не для себя, а для других (носителей ПСВ). Основные когнитивно-ментальные инструменты реализации этой стратегии – самоподавление (скрытая агрессия к себе/другим), сдерживание внешней агрессии путем симуляции своего «сущностного я», самообман, симулятивная адаптивность. Индекс результативности этой стратегии – нулевой (Стратегия 2 («0»)).

Ситуация их неразличения дезориентирует объекта стереотипизации, заставляя его поверить в то, что для успешной реализации процесса нейтрализации КБ он должен разрушить не только сам КБ, но и источник его формирования (ПСВ-КПП). Поэт попадает в ситуацию симулятивного выбора. Он должен решить, какой из объектов противостояния является основным (ключевым), а какой – дополнительным (периферическим). Формально он понимает, что разработанная им самоидентификационная стратегия преодоления должна быть направлена на КБ. Именно он является ключевым источником деструктивно-симулятивной энергии, разрушающей целостность его сознания в данный момент. Одновременно с этим объект стереотипизации осознает, что КБ – это всего лишь одна из частных форм реализации ПСВ-КПП. Поэтому для полной нейтрализации КБ необходимо разрушить не сам блок, а источник его формирования.

В результате возникает парадоксальная ситуация. Процесс реализации любого из доступных поэту на данном этапе вариантов стратегии преодоления КБ (Стратегия 1 «Тотальное отрицание»; Стратегия 2 «Защита (сдерживание внешней агрессии)») из потенциально результативных операций, направленных на «освобождение» его сознания, превращается в многократно повторяющееся, принципиально незавершаемое действие (определение ключевого объекта противостояния). Так, если поэт ориентирует себя на разрушение ПСВ-КПП, то базовым компонентом его самоидентификационной стратегии автоматически становится не собственный защитный механизм, а КБ (защитная реакция программы). На этом этапе для поэта они неразличимы и отождествлены между собой.

Заключение

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы. Название композиции «Рыжий» – это и квинтэссенция авторской позиции, и концептуальная формула всего текста, воплощающая в себе когнитивно-ментальное состояние автора в момент его создания, и прежде всего программный стереотип восприятия (ПСВ), который тяготит героя-поэта, но одновременно воспринимается им как свой истинный статус. Деструктивное отрицание и самоотрицание не принадлежат носителю ПСВ, а только ему приписываются, что направляет самоидентификацию на ложный путь.

ПСВ активизируется и повторно закрепляется в сознании носителей стереотипа с помощью разнообразных «коммуникативных катализаторов ПСВ». Обезличенно-автоматизированная (спонтанная) маркировка, производимая носителем ПСВ, превращается в инструмент симуляции когнитивно-ментального статуса человека. Этот процесс затрагивает как объект стереотипизации, так и самого носителя ПСВ. Носитель ПСВ, осуществляя процесс негативной маркировки объекта стереотипизации, не просто отрицает его, а стремится через это отрицание подтвердить конструктивность своего когнитивно-ментального статуса в глазах других носителей ПСВ. При этом, находясь в поле деструктивно-симулятивной активности ПСВ, объект стереотипизации продолжает воспринимать приписанный ему статус как истинный, а процесс его автоматизированной (спонтанно-рефлекторной) смены – как конструктивную когнитивно-ментальную операцию.

Герой-поэт, пытаясь защитить себя, защищает (дублирует и воспроизводит) саму программу (Стратегия 2). Если же в качестве ключевого объекта противостояния поэт выбирает КБ, то базовым компонентом его самоидентификационной стратегии автоматически становится тотальное отрицание (Стратегия – 1). Однако разрушить защитный механизм программы с помощью псевдоконструктивного отрицания, отождествленного с процессом самоотрицания, то есть самого ПСВ-КПП, невозможно.

Оба варианта стратегии освобождения сознания поэта от деструктивного воздействия (ПСВ-КПП – КБ) оказались несостоятельными. Осознание этого факта заставляет И. Талькова поставить под сомнение

конструктивность и продуктивность навязанного ему программой принципа двойного (одновременного) противостояния. Подсознательно он понимает, что для повышения уровня результативности нового варианта самоидентификационной стратегии преодоления, который только начинает формироваться в его сознании, она должна быть направлена только на один объект противостояния.

Перспективами дальнейшего исследования является процесс поиска/определения внутренних механизмов преодоления когнитивной блокировки сознания И. Талькова, основанного на кардинальном переосмыслении специфики взаимодействия ПСВ-КПП и КБ.

Источники | References

1. Ахапкин Д. Когнитивное литературоведение: от порядка к хаосу и обратно (рец. на кн.: The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies; Cognitive Grammar in Literature; Armstrong P. B. How Literature Plays with the Brain) // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 332-345.
2. Васильева А. А. Российская рок-музыка 1970-х - 1980-х гг. как социокультурное явление: опыт культурологического анализа: дисс. ... к. культ. Челябинск, 1999. 163 с.
3. Гавриков В. А. Русская песенная поэзия XX века как текст. Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. 634 с.
4. Иванов Д. И. Ранняя самоидентификационная модель когнитивно-прагматической программы К. Кинчева: «Пророк героической квазирелигии» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 1596-1601.
5. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
6. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Когнитивная гуманитарная семиотика: в 2-х кн. Иваново: ПресСто, 2020. Кн. 2. Терминология. Аналитические портреты. 256 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Кнабе Г. С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Кнабе Г. С. Избранные труды. Теория и история культуры. М. - СПб.: Летний сад; РОССПЭН, 2006. С. 20-50.
10. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: ТвГУ, 1998. Вып. 1. С. 5-39.
11. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283-292.
12. Маслова Ю. В. Когнитивно-дискурсивный потенциал рок-поэтического текста: дисс. ... к. филол. н. Белгород, 2016. 189 с.
13. Самигуллина А. С. Когнитивная лингвистика и семиотика // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 11-24.
14. Свиридов С. В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. Вып. 6. С. 5-32.
15. Тальков И. В. Монолог: стихи, воспоминания, дневники. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
16. Neuman Y. Semiotics as an Interdisciplinary Science // International Handbook of Semiotic / ed. by P. P. Trifonas. N. Y.: Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 125-134.
17. Turner M. The Cognitive Study of Art, Language and Literature // Poetics Today. 2002. № 23. Iss. 1. P. 9-20.
18. Zlatev J. Cognitive Semiotics // International Handbook of Semiotic / ed. by P. P. Trifonas. N. Y.: Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 1043-1067.

Информация об авторах | Author information

Иванов Дмитрий Игоревич¹, к. филол. н., доц.
Дэн Ин², к. филол. н., проф.

^{1,2} Сианьский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика

Ivanov Dmitry Igorevich¹, PhD
Deng Ying², PhD

^{1,2} Xi'an International Studies University, The People's Republic of China

¹ ivan610@yandex.ru, ² 13571832591@163.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): когнитивно-прагматическая программа (КПП); когнитивный блок (КБ); программный стереотип восприятия (ПСВ); конструктивный/деструктивный статус; самоидентификация; cognitive-pragmatic programme; cognitive block; programmatic stereotype of perception; constructive/destructive status; self-identification.